

Усик каланхоэ, или Проползая под кустом черноплодной рябины

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виталий Свёклов

18+

Виталий Свёклов

**Усик каланхоэ, или Проползая
под кустом черноплодной рябины**

«Автор»

2023

Свёклов В.

Усик каланхоэ, или Проползая под кустом черноплодной рябины /
В. Свёклов — «Автор», 2023

Данное произведение написано в жанре абсурдно - абстрактного юмора и рассказывает историю из жизни советского завода и его обитателей. Книга напоминает произведения таких писателей как Кафка, Ерофеев, Павел Асс и Нестор Бегемотов, читаешь и как бы путешествуешь из одной комнаты (истории) в другую. Достоинством работы является легкий язык повествования, шутки и неожиданные повороты сюжета. К трудностям я бы отнес то что надо «въехать» в эту историю, ну на то он и абсурд. В целом впечатление хорошее, прочитал легко и быстро. Ну и конечно это книга должна выходить со знаком 18+, дети и подростки скорее всего не поймут этого текста. А. В. Васильев, историк, почетный работник сферы образования.

© Свёклов В., 2023

© Автор, 2023

Виталий Свёклов

Усик каланхоэ, или Проползая под кустом черноплодной рябины

"Олег, кинь станок, пожалуйста!" – послышалось где-то в глубине цеха. Все прислушались. И правда, послышалось. И только станок безмятежно парил в воздухе, чертя на полу причудливые тени, напоминавшие зайца и куст черноплодной рябины. Капли свежего машинного масла стекались в небольшие лужицы на свежеприобретенной черепно-мозговой травме Санька.

В этот момент как-то неожиданно по-будничному прогудел свисток, а это значило, что сейчас куча потных мужиков и теток попрутся в душ. Потом будет толкотня на проходной и очередная облава на заныканную в недрах чьей-то телогрейки контргайку двенадцатого радиуса. Только Санёк оставался спокойно лежать в углу цеха, в луже теплой красной жидкости. Его раскрытые глаза изучали строение станка снизу. Ни радости, ни удивления они не выражали. Саньку было глубоко насрать и на станок, и на глобальные проблемы пролетариата, ибо он уже был далеко, и ему было хорошо, как, собственно, любому, пребывающему там, где был Санёк.

Красная жидкость пахла портвейном и сигаретами "Друг". Это было объяснимо, вряд ли у Санька в крови могла быть кровь. «Часы "Полет" ему, кажется, тоже уже ни к чему» – подумал Егор, бывший друг Санька, который задержался в подсобке, чтобы добить тот проклятый ящик водки, который никак не добивался вот уже 40 минут. Он снял часы, рыгнул (воздух вокруг обогатился густым запахом перегара), поссал в углу и поплелся домой к своей толстой, но любимой жене, чтобы попросить добавки жареной картошки, а потом уснуть в ее огромных, с возрастом вялых и обвисших, но таких родных сиськах.

И только Иван Авраамович Сидоренко, старый козел (по словам уборщицы Элеоноры Павловны), ничего не слышал и не видел. "А мне похуй", – как обычно, резюмировал он засунув палец в банку с кильками. Кильки запаниковали и разбежались. Но, кроме Ивана Авраамовича, бегство килек никто не заметил. Он вообще видел много того, чего не видели остальные. Иван Авраамович работал на заводе алкоголиком, и за должность свою очень держался, ведь желающих подсадить его на столь теплом месте было предостаточно – на эту должность претендовал буквально каждый второй.

В это время знойная кассирша Любаша, каким-то раком мозга почувствовавшая запах свежего портвейна, спокойно расписалась за Санька в зарплатной ведомости, почесала и без того расчесанную подмышку, улыбнулась и запихнула мятый трешник в позавчерашний бюстгальтер. Любаша действительно была знойная женщина, она очень любила почесывать подмышки и промежность, пока (как она считала), никто не видит. Еще она любила секс. И хотя уже давно не помнила, что это такое, не упускала случая рассказать выдуманную историю из своей половой жизни в разговорах с молодыми подругами. Также она обожала мед и желуди.

«Ну не свинья, а?» – крикнул Егор на местную дворнягу Жучку, наступив в только что наваленную ей кучу. «Опять ботинки мыть, потом сто лет сохнуть будут, а других нет!» – в сердцах выпалил Егор, кинул вслед убегающей дворняге камень, и, расстроенный, поплелся дальше. Желание выпить еще обострилось до дрожи в руках. Егор засунул дрожащие руки в карман, ощупал свежавынесенную с завода контргайку двенадцатого радиуса и немного успокоился.

В сборочном цехе за бутылкой растворителя, как, впрочем, и всегда, коротали вечер старший начальник смены Семен Николаевич Печёнкин и слесарь разряда: «Когда я пьяный, я еще не то могу!» Марат Орасян. Они опять говорили о высоком.

– Вот нас вчера наш начальник за каким-то фигом отправил на зачетные стрельбы, – возмущался Марат. – Представляешь? Обычных рабочих – и на стрельбы!

–И что? – вяло поинтересовался Печёнкин.

–И то! Не попал я никуда. За что и схлопотал выговор и право нести портрет Брежнева до такси и потом еще на третий этаж. Короче, не сдал я зачет. Но зато вот что я подумал. Прикинь, пришёл ты в тир, а стрелять вообще не умеешь. Тебе дают инструктора, у которого в кармане куча патронов. Ну, скажем, три. И ты делаешь так ртом – бзты-ды-дыщ, типа стрелнул. А он достаёт из кармана патрон, бежит к мишени и втыкает его прямо в десятку. Было бы прямовцельно практически!

–Да уж... – поддержал разговор Печёнкин.

–Безмолочно было бы, я б сказал, – припечатал Марат.

–Ага. Точно. А вот интересно, – вдруг оживился Семен Николаевич, – почему говорят: «Попал в молоко»? Разве были прецеденты? То есть, кто-то действительно в него попадал?

–А это, наверное, потому так говорят, что раньше мишени к ведру с молоком прикрепляли, – подхватил философские изыскания Печёнкина Марат.

– Но тогда бы говорили: «Попал в ведро с молоком», – возразил Семен Николаевич.

– Неа. А знаешь, почему? Они тогда мишени крепили с той стороны, где молоко открытое, а пульки в то время слабые были и до дна не долетали. Так что получается «в молоко», сам видел!

– А может, там с двух сторон от мишени висели краны, и из них молоко текло или, может, даже там коровы висели, и из них уже молоко струилось?

– Скорее всего, они ставили яблочко (говорят же: «Попал в яблочко»), а сверху подвешивали корову. Так заодно научились и говядину добывать!

– Нет, тогда бы говорили, попал в грудинку или в вырезку!

– Это потом стали так говорить. А сначала было: «Попал в говядину».

– Но так не говорят. Значит, все было по-другому. Молоко как-то само собой обволакивало яблоко. Яблоко плавало в молоке. А стреляли вниз, то есть, в пол.

– Получается, что так. Но зачем тогда корова? Непонятно.

–А корова была в землю закопана выменем вверх, – сообразил Семен Николаевич перед тем, как опрокинуть в себя очередной стакан растворителя.

– Зачем? – не понял Марат.

– А откуда молоко, по-твоему?

– Логично.

– Стоп, получается, что молоко вверх текло и при этом обволакивало яблоко? Но такого не может быть. Молоко само вверх не потечёт! Может быть, там насосы стояли?

– Ты дурень! Корова лежала, закопанная вместе с дояркой. Отсюда и пошло: «окопы», «окопаться». Понял?

– Да ну тебя! Загрузил ты меня, отстань! И, вообще, вы, евреи, какие-то нудные! – обозлился Семен Николаевич на Орасяна.

Так и не докопавшись до истины, а также по причине того, что растворитель закончился, Марат и Семен Николаевич свернули разговоры и засобирались домой.

Вечерело, последние нетрезвые рабочие разбрелись по домам, и только Санёк все также безмолвно лежал в цеху, и ничто, кроме мух, не могло помешать его спокойствию.

Часть первая.

Мухи.

Мухи в воздухе летают, по пространству туалета.

*Они знают, здесь накормят, да и пахнет заебато.
Только дядька бородатый разгоняет их газетой,
Но у мух стальные нервы, они прячутся пиздато!*

Это был веселый 37 год, мухи в то время были жирные и проворные, не то, что сейчас. Санёк стоял на опушке леса и ловил ртом зазевавшуюся гусеницу. В лесу пахло свежескошенной травой. "Какой мудака косит траву в лесу, тем более, зимой?" – подумал Санёк и еще раз ткнул рогатиной замерзший прошлогодний труп егеря Иваныча. Труп исторг из своих глубин облако смрада и оскалился. «Точно, Иваныч!» – подумал Санёк, – «Он же еще тот лентяй. Второй год лежит тут – и хоть бы пальцем пошевелил. Даже дышать – и то лень».

В это время гусеница изловчилась, сделала сальто, приземлилась Саньку за шиворот, и смачно тяпнула его за чирей, прикрытый налетом грязи. Лес содрогнулся от детского крика: "Суууука!". Саньку было всего пять, но он уже спокойно один мог ходить и в лес – и по большому, и по маленькому.

Маленький – известный в селе пацан – очень обижался, когда по нему ходили. А ходили по нему часто, ибо Маленький имел привычку спать, надравшись, у дома культуры имени Троцкого. Именно потому, что Маленький очень любил спать возле клуба, клуб и построили в лесу. Каждый вечер, а впрочем, в любое время суток, когда Маленький приходил спать к клубу, в лесу воцарялась тишина. Перегар стоял такой, что мгновенно опьяневшие звери веселой гурьбой шли в клуб, а Троцкий, ввиду нелюбви к животным, вставал и шел развлекаться в Мексику.

В небе сверкнула молния, Санёк поднял шишку, и начал выковыривать из нее орешки. Вконец испачкав руки, Санёк понял, что это не орешки. Да и не шишка это была, судя по запаху, который распространился вокруг.

Вдруг где-то совсем рядом послышался треск, и из кустов вышел Троцкий.

– Привет! – сказал Троцкий Саньку.

– Здравствуйте! – ответил Санёк. Запах усилился. Троцкий больше ничего не сказал, а направился дальше, в сторону Мексики, откуда уже раздавался приглушенный смех девок.

Санёк проводил его взглядом и непроизвольно откусил кусочек "шишки".

В это время отец Егора смотрел в оптический прицел своего ППШ на одинокую статную фигуру красноголового дятла. Отец Егора очень любил смотреть в оптический прицел своего ППШ на одиноких красноголовых дятлов, особенно когда ходил охотиться на деревья. Он с удовольствием нажал на спусковой крючок, и детский крик "Суууука" повторился. «Надо смазать прицел», – подумал отец Егора, наблюдая за дятлом, который так и не шелохнулся.

Еще утром, собирая помет диких кабанов, Дед Митрич почуял, что в лесу запахло жареным. Помет он сдавал по тридцать копеек за кило на местную пометно-овощную базу, собственноручно, чем и вскормил себя. Он выглянул из кустов и увидел странную картину, состоящую из уходящего по полю в Мексику Троцкого, всем известного прошлогоднего трупа, Санька с огнестрельным ранением и мухи, случайно залетевшей ему в глаз. Об этом открытии Дед Митрич рассказал своим друзьям, и вечером они решили сходить на проверку.

Дед Митрич в свое время работал в конторе по производству праздников "Люберецкий негатив", поэтому в лес один никогда не ходил. Решили, сходили, проверили. Вернулись здоровыми, не считая цирроза печени и шишки, которую Дед Митрич подарил своему внуку Сеньке на день рождения и на лоб одновременно. Решили на другой день снова пойти в лес проверить, а то мало ли что.

"Катенька, солнце мое, детка, Катюша, где же ты?" – раздавалось из телевизора, Егор перевернулся на другой бок, смахнул с носа муху и тихонько пукнул. Егор любил пукать во сне, впрочем, он пукал и когда не спал, но всегда при этом закрывал глаза. Привычка, оставшаяся еще из детской колонии.

– Егор, ты репеллент принес или опять водку купил? – поставил вопрос ребром начальник смены Элеонор Графович, разбудив Егора.

– Нееет. А что, надо было? Я думал, ты мне денег на водку дал. Ты что, не будешь? – сонно-пьяным голосом возмутился Егор.

– Не, ну, в принципе, конечно, на водку деньги! – спохватился Элеонор Графович, подвигаясь поближе. – Но я думал, что голова-то у тебя есть, и ты сам додумаешься. Мухи эти реально заебали, на хавчик садятся и глазом не моргнут.

– Да я и с мухами жрать могу – невозмутимо ответил Егор, – А ты Санька отправь, ему всё равно делать нечего.

– Действительно, Санёк. Станки, которые перекидывать надо, придут все равно не раньше трех часов, так что давай, сходи в чепок, купи репеллент. И «Раковых шеек» заодно! А то закусывать нечем.

– Хорошо – весело крикнул Санёк, взял деньги и, напевая себе под нос, направился в чепок.

В это время пришли станки, и грузчик Олег стал потихоньку стаскивать их с кузова машины. Именно «с» кузова, а не «из», так как станки были привязаны сверху к грузовику, груженому картофелем и кабаныим пометом. Через полтора часа подошел Санёк.

"Олег, кинь станок, пожалуйста!"...

Мухи продолжали летать, и им было наплевать на только что купленный Саньком репеллент. Может, привыкли. А может быть, дело было в том, что весь флакон репеллента сразу же употребил внутрь себя Егор. И тут же отправился в подсобку, где его уже ожидал тепленький ящичек водки.

–Я считаю, что троллейбусы прикованы к проводам, – сказал Марат и в очередной раз покраснел.

–А ты не думал, что все наоборот? Что это провода приклеены к троллейбусам? – парировал Семен Николаевич Печёнкин.

– А троллейбусы приклеены к асфальту, и земля крутится под ними, а под автобусами нет. Земля крутится только под троллейбусами, потому что они ленивые, – развил мысль Марат.

– Причем, не под всеми троллейбусами, – уточнил Печёнкин, – Вот, например, семнадцатый номер точно к асфальту приклеен, уж больно редко ходит.

– Его в детстве, видимо, троллейбусная матка плохо ходить учила, – кивнул Марат.

– Это точно, идет и спотыкается. Я сразу подметил что-то не то...

– А трамваи вообще оборзели, их ждешь-ждешь, а они по кругу гоняют, кто быстрее, – начал возмущаться обычно спокойный Марат

– То есть ты хочешь сказать, что трамваи – евреи? – в недоумении спросил Семен Николаевич.

– Это еще почему? – изумился Марат.

–Ну, так ты же сам сказал, что трамваи вообще обрезали!

– Оборзели! Уши разуй! Им обрезать-то нечего, – объяснил Марат и преспокойненько опустошил двухсотграммовую емкость с денатуратом.

– Денатурат – этиловый спирт-сырец, содержащий добавки красителя, окрашивающего спирт в сине-фиолетовый цвет, и специальных веществ, придающих ему неприятные запах и вкус. Растворитель лаков. Ядовит! – сообщил Печёнкин, глядя куда-то вдаль.

– Спасибо за справку, но его нету уже, – съязвил Марат.

У Марата действительно была язва.

Звали ее Леной. Редкостная язва, вся в мать.

– Есть спички? – вмешался Егор

Да-да, Егор бесцеремонно вмешался в самую гущу очереди, выстроившейся вокруг магазина. Стояли за водкой и гуталином. И никто бы ничего не сказал, если бы в этой очереди не стояли поколениями.

– Так спички есть или нет? – повторил свой вопрос Егор.

– Молодой человек, а вы в списке есть? Записаны? – возник голос из очереди.

– Так вот ты какой, голос из очереди! Ты мне снился сегодня! – задумчиво произнес Егор. Вопрос показался ему глупым – Егор по праву считал, что в этой очереди за гуталином и водкой он родился и прожил всю свою жизнь, но ничего не ответив и пожав плечами Егор поплелся домой в конец очереди, размышляя о том, что будет делать, когда его очередь наконец подойдет. Переезжать придется. Или в крайнем случае, заново занимать за водкой и гуталином.

Солнце клонилось к закату, Троцкий наслаждался текилой в обществе смуглых мексиканских девушек, а Егор тщетно пытался дозвониться высоко стоящему начальству семнадцатого ЖЭКа. Он уже давно хотел им сообщить, что трубы горят! Дозванивался он давно. С самых низов. Сначала позвонил дворнику Кузьме, но ему сказали, что он на работе. «Аха, на работе» – подумал Егор. «Аха, подумал» – проработал Кузьма.

Не дозвонившись и открыв дверь, как всегда, нежно с ноги, Егор, сопровождаемый клубами пара, ввалился в мусороприемник, где, собственно, и работал Кузьма. Увидев кучку мусора в углу, Егор безошибочно определил месторасположение Кузьмы в этом люксовом пентхаусе. Куча зашевелилась, и из нее материализовался Кузьма. Он был, как всегда, в белом выглаженном смокинге и немецких шароварах. Никто не знал, где он их взял, но все давно ему завидовали.

– Слышь, Кузьма, я это... – быстро произнес Егор – У меня трубы горят, а высоко стоящее руководство семнадцатого ЖЭКа трубку не берет, поэтом я сразу к тебе. Помогии, а?

Кузьма неторопливо развернулся и медленно, в два прыжка, оказался у пожарного шкафа, в котором у него всегда лежал противопожарный запас.

– На вот, держи, пена для бритья «Восход», содержание спирта не менее 63 %.

– А есть что-то, что не пена? – взмолился Егор.

– Есть, но это надо к Потапычу идти, – ответил Кузьма.

– Ну так пошли.

Для прораба Потапыча это утро началось как обычно: выйдя из своей бытовки и, почесав зад монтажнику Григоряну, Потапыч ощутил на своем лице влагу. Это крановщик Василий Вениаминович справлял свою малую нужду сверху, не удосужившись спуститься вниз.

– Да уж... – выругался Егор и продолжил – Кстати, Потапыч, ты слышал, что вчера Печёнкина марсиане забрали? Причем, в вытрезвитель, как всегда.

– Кто ж не слышал? Он всю ночь рабоче-марсианские песни горланил. Всем нам спать там мешал. А сегодня на работу!

Внезапно на стройке установилась гробовая тишина, даже Василий Вениаминович на башенном кране застыл в позе писающего мальчика, раскрыв в рот. На лицах строителей и собравшихся вокруг зевак читалось "Не может быть!!!" На горизонте строительной площадки появились Егор, Кузьма и Потапыч.

– Что мы делаем на стройке? – подумали обомлевшие зеваки и разошлись... в пляс. По швам. На молекулы.

– Давай! – кивнул Марат.

– Что давай? – не понял Печёнкин.

– Ну, ты же сказал: "на молекулы"

– Не дам, сам себе накопай, я вон весь вечер копал.

– А я все утро спал, – возмутился обычно невозмутимый Марат.

– Зато я не очень – раздался голос откуда-то из-под Марата.

– Во, Подмаратье заговорило, – удивился Семен Николаевич.

– Ща все пройдет! – сказал Марат и отмотал себе еще полметра туалетной бумаги. Но голос продолжил. Сложил великолепную фразу из двух букв. «Ща!»

– Ирка! Ты? – с мольбой в голосе и с болью в голове воскликнул Марат. – Сколько лет, сколько зим! Ты где столько времени пропадала?

– Да вот, преимущественно здесь, под матрасом, и пропадала! Ты же меня сам здесь положил еще три года назад. Сказал: «Ты пока под матрас спрячься и не вылезь, а я за хлебушком схожу».

После того, как был уничтожен и этот рулон бумаги, Марат и Семен Николаевич стали думать, что они будут есть завтра. Тем более, что под матрасом у них теперь жила воображаемая подруга Марата, которая не ела три года.

Ирка обиделась и пошла в соседний угол плакать. Пошла, не вылезая из-под матраса. Чтобы Семен Николаевич не пропалил, или не пропил. Впрочем, обычно это вытекало одно из другого.

Когда звезды на небе уже стали сливаться в одну большую, Марат принял волевое решение и решил выпустить Ирку из-под матраса на волю. А то ведь осень скоро! «Действительно, осень» – подумала Ирка, глядя на свои опавшие сиськи.

– Иди уже, Ирка, пока Николаич не заметил, – сказал Марат и смачно высморкался.

– А я все видел, а я все видел! – заявил Печёнкин, поглядывая на что-то содержащую емкость.

– И революцию, и революцию и рево..., а, нет, революцию не видел, – сказал Егор и по привычке в очередной раз закрыл глаза Потапычу.

Видимо, в это время кто-то что-то незаметно выносил из бытовки в количестве 367 штук саморезов из финской нержавеющей стали. И правда, было бы странно, если бы кто-то вносил в бытовку 367 саморезов из нержавеющей стали.

– Да, очень странно, ведь в году 365 дней, а саморезов из финской нержавеющей стали всего 367, – решил Егор и незаметно скинул два лишних самореза.

Это были те времена, когда в бытовку вносились только рацпредложения по поводу того, сколько брать водки, а выносилось все подряд. Особенно часто из бытовки выносился Егор, хотя он и не работал на стройке. Егор даже пару раз просыпался в пункте приема вторсырья, среди этого самого сырья. Он не обижался, поскольку знал, что на вырученные деньги ребята купят на всех чего-нибудь вкусного и опять возвращался на стройку, хотя, кроме коммунизма, ничего строить не умел.

Не заметно для всех прошли очередные лунные сутки. Мухи несли огромные потери, пытаясь достучаться до Егора, но он лишь морщился и стряхивал распластанные тушки со своего лба. В комнате раздался телефонный звонок. Егор нехотя скинул ногой телефон с журнальной табуретки, которая стояла около кровати. Решив, что он окончательно ушел, Егор поднялся и сел на кровати. Этим тут же успела воспользоваться одна из уцелевших мух и приземлилась Егору прямо на руку.

– Федя! – радостно воскликнул Егор. Но муха посмотрела на него непонимающим взглядом и улетела.

Егор всех мух называл Федями. А началось все с того, что как-то давно, в детстве, он научил одну из мух смешно потирать передними лапками и вытирать ими глаза. Именно эту надрессированную муху Егор и назвал Федя, но потом Федя научил этому трюку всех остальных мух и перестал откликаться на Егоровы позывные. С тех пор он стал называть Федями всех мух в надежде найти ту самую. А мухи именно с тех же самых пор потирают передними лапками в надежде, что Егор оставит их в покое.

В этот самый момент телефон зазвонил снова. На этот раз Егор встал, поднял телефон и взял трубку.

–Ао! – затвердевавшим спросонья языком произнес он. В трубке было тихо. Подсознанием мозжечка Егор понял, что это звонил Потапыч, который постоянно держал трубку кверху ногами. Так ничего и не услышав в трубке, Егор поставил телефон, положил свою красную небритую харю на журнальную табуретку и стал собираться на завод.

На заводе с самого утра все сверкало. Празднично небритые и немые мужчины и женщины носились туда-сюда и в пакетах у них звенело. Сегодня на заводе был праздник – Среда – середина недели! Об этом гласили красные перетяжки, красочно наброшенные на асфальт. Егор стоял на улице около входа на КПП со стороны завода, судорожно курил и пытался вспомнить, какой сегодня день. Он никогда не верил заводским перетяжкам, ведь они могли лежать еще с прошлой недели. На самом деле с прошлой недели возле пункта приема стеклотары, довольный выбранным местом, лежал окурочек сигареты «Казбек», наслаждаясь видом праздничных гирлянд в честь великого праздника среды.

Егор почувствовал, что кто-то положил руку ему на плечо. Честно говоря, Егор даже не заметил, насколько давно это произошло, может быть, даже вчера, но факт оставался фактом. Егор обернулся, скинул руку, которая, издав шлепок, упала на асфальт и пошел в сторону цеха номер три. В цеху, как обычно в будний день, никого не было. Недобитый скелет доминошной «рыбы» украшал фрезерный станок дворника Михалыча. Михалыч давно приручил фрезерный станок и очень гордился тем, что станок умел давать лапу. Да и на лапу он тоже умел давать не хуже Михалыча.

Единственной фигурой, которая оказалась в столь рабочее время в цеху, была фигура Санька. Санёк очень сильно дрожал, настолько сильно, что вибрация от его дрожи по полу передавалась на стены. Именно поэтому Егор никак не мог сфокусировать зрение. Нет, Санёк дрожал не от холода, на улице было + 30, у него действительно было похмелье.

–Ты что домой не идешь? 10:24 утра уже, да и среда сегодня, праздник... – спросил Егор трясушегося Санька

–Не могу я! – ответил Санёк, – Я тебя вчера пытался в таком же состоянии остановить, и у меня правая рука оторвалась, видишь?

–Действительно! – сказал Егор. И задумался. Это ему что-то напомнило: то ли руку, недавно сброшенную с плеча, то ли пышные покачивающиеся бедра буфетчицы Агафьи.

– Привет, Олег!!! – заорал Санёк и по привычке, но теперь уже левой рукой, стряхнул с плеча Олега позеленевшего Карлсона. Егор обернулся, поднял Карлсона, но Олега так и не увидел.

– А потому что нечего было оборачиваться, – сказал Олег и испарился, как вчерашний денатурат.

В этот самый неподходящий момент с дикими цензурными фразами в цех, как показалось Саньку и Егору, задом наперед ввалился Марат. Но на самом деле то, что они приняли за задом наперед, был Семен Николаевич Печёнкин, перекинутый через плечо Марата. Нет, он не был пьян или с жуткого похмелья, просто очень устал.

– Я тебе еще раз говорю, древляне жили на деревьях, а весь род Печёнкиных из кривичей! – кричал Марат, в такт постукивая затылком Печёнкина о низко висящие лампочки.

– Неправда твоя! – возмущался Печёнкин – То, что я сейчас нахожусь в такой неудобной позе, не должно ложиться пятном на весь мой род. И вообще, в нашем роду пятна на другом месте были.

– Знаем мы ваши пятна на лунном грунте, великие пятна Печёнкиных! «Об этом весь мир знает!» – сказал Марат, и только потом вспомнил, что не знает он никаких пятен, хотя вчера, в душевой сам лично видел у Печёнкина масляное пятно на лбу.

– Ты моих родственников не трожь, они были древляне, потому как не древесные, а древние, – проснулся Печёнкин и откусил кусок воскового яблока, свежестыренного из кружка любителей натюрмортов при цехе химической продукции.

– Ага, не древесные! Как же! А привычка по деревьям домой возвращаться у тебя откуда? И вообще, ты свою рожу в зеркало видел? Вылитый кривич, только нос – греческий, картошкой, – возмутился Орасян.

– Да откуда вам, евреям, знать, как кривичи выглядели? Вы кроме крайней плоти ни одной книги с собой не носите, – продолжил свою тираду Печёнкин, еще раз куснул муляж яблока и жизнерадостно утвердил – Антоновка!

Орасян недоверчиво посмотрел на него, взял яблоко, откусил большой кусок, сделал недоуменное лицо, выплюнул его обратно и, смачно выругавшись, заявил, что оно червивое!

Мухи не побрезговали червивым восковым яблоком и отложили яйца в платок Егору. "Что ж, нерест – есть нерест", – не обиделся Егор и продолжил наблюдение за неправильно лежащей латунной шестеренкой килограмма на полтора-два. Именно эта шестеренка всегда отвлекала Егора от реального мира своими грубо не заточенными краями и формой полуквадрата. Эту шестеренку даже когда-то хотели сдать в музей завода, фундамент которого, состоящий из одного кирпича, брошенного на дно заполненного водой котлована для того, чтобы посмотреть, насколько там глубоко, был заложен позавчера заводскими мальчишками. И именно Егор не позволил этого сделать, так как мечтой всей его жизни, а также жизнью отца и деда, было сдать эту шестеренку в пункт приема цветного металла. Но ни дед, ни отец, да и сам Егор этого не делали, ибо ждали, пока латунь подскочит в цене.

Из транса Егора вывело состояние приближающегося голода. Егор и вся компания, находящаяся в цехе, задумались о столовой, чтобы что-нибудь выжрать. То, что продавалось в столовой (кассирша Машка не в счет, так как она шла без счета), есть было категорически нельзя, это можно было только категорически пить. Все, включая мух и Саньку, направились в заводскую закусочную "Блин да долото". Столовая встретила шумную компанию распростертыми объятьями, замком на входных дверях и странной запиской возле дверной ручки:

"За яйца себя подергай! Обед".

Все, включая мух, подергали себя за яйца, но, к их большому удивлению, ничего не произошло.

– Блядь, везде обманывают, везде! Никому верить нельзя! Что за страна такая? – возмутился Печёнкин, с досадой пнул Орасяна, плюнул в муху, присевшую на дверь, лег на ступеньки и задумчиво уставился куда-то в сторону КПП. Около КПП валялось бездыханное тело весовщика Степаныча, держащееся за дверь обеими руками, да так на ней и повисшее. Праздник среды явно удался.

Санёк посмотрел на часы, они, как и полчаса назад, впрочем, как и последние пятнадцать лет, показывали время. Кто-то пятнадцать лет назад, продавая Саньку часы за бутылку гуашевой краски «кобальт-синий», сказал, что когда-нибудь придет время, и часы будут показывать порнографические мультики. С тех пор Санёк всегда смотрел на часы и никуда не опаздывал, хотя надеты они у него были циферблатом внутрь.

– Блииин, я же опаздываю? – подал признаки жизни очнувшийся на двери КПП Степаныч, но, видимо, он уже безнадежно опоздал, потому как тут же отъехал обратно в мир грез и пьяного блаженства. Мухи, почуяв запах свежайшего перегара с ароматом боярышника, направились к Степанычу. "Вот крысы", – подумал про мух Егор, незаметно вытащив из кармана Печёнкина недоеденное яблоко и зарплату Орасяна, проигранную вчера Печёнкину в боулинг.

– Блииин, я же опаздываю! – раздалось уже из уст Санька, который, не сказав более ни слова, упал прямо на ступеньки и тут же уснул.

– Не трогай его, пусть спит – сказал Егор удивленному Орасяну, который тщетно пытался его поднять.

– У него там со Степанычем встреча, дело у него к нему есть одно, – с этими словами Егор присел на ступеньки к Печёнкину, достал сигареты, смял их и съел. Столовая была все еще закрыта, а от коллективного массажа яиц есть меньше не хотелось. После этого он опять ушел в транс, вспомнив про шестеренку.

Один лишь Марат пришел в себя и остался стоять на месте. Он перестал понимать, что он – удачливый бизнесмен, владеющий крупной нефтяной компанией – вообще здесь делает и кто эти люди. Но, почуяв запах боярышника, отправился вслед за мухами исследовать содержимое Степаныча, которое добрый Степаныч для большего комфорта исследователей предварительно положил рядом с собой.

– А пойдёте в чебуречную на угол? – сказала муха и тут же поняла, что что-то не то ляпнула, но было уже поздно, ибо крик Егора: "Фееееееда, наконец-то я нашел тебя!!!" – окончательно усыпил Печёнкина. Егор вскочил со ступеней и помчался на проходную, по пути два раза наткнувшись на медленно направлявшегося туда же Марата. Именно благодаря этому Марат оказался возле проходной с опережением собственного графика на целый день.

На проходной толпилось невероятное количество зевак. По самым скромным подсчетам, их было двое. Они зевали громко и с удовольствием, широко раскрыв рты друг друга. На какой-то момент показалось, что это заинтересовало Степаныча. Но нет. То, что можно было принять за его осознанное движение, на самом деле оказалось просто сползанием Степаныча на землю под воздействием силы тяжести. Степаныч сполз практически до бровей и окончательно блокировал выход с КПП, парализовав работу завода на целую неделю.

– Так все-таки как насчет чебуречной? – пробормотала муха и покраснела, чем стала напоминать начальника смены Элеонора Графовича в те годы, когда он еще умел бриться.

– Уже никак. Посмотри, – Егор показал мизинцем на распластавшегося Степаныча. Рядом стоял Марат и возмущался, что из-за него уже вторую неделю не может попасть домой.

– Тогда пойдём через забор! – сказала муха Федя, вжикнула и исчезла. Егор еще долго смотрел на пустое место, где когда-то по задумке строителей планировался забор.

– Покупайте гири! Покупайте гири! Гири, гири, на развес и в упаковке! – кричала где-то недалеко розовощекая бабушка, подбрасывая в воздух спелые пудовые гири.

– Да кому они нужны, эти ваши гири? – спросил случайно проезжавший мимо директор крупного гиревого холдинга.

– Как кому? Вот смотрите, вы же человек солидный, наверняка вы владеете какой-нибудь крупной компанией, у вас там наверняка есть люди, которые занимаются спортом. Купите сейчас партию гирь, соберете сборную по тяжелой атлетике и на олимпиаду!

– А ведь действительно, у меня же бригада грузчиков – кабаны кабанами. Только они их разгружать не будут, они ведь ни разу в жизни еще ничего тяжелее, чем палец в компот, не грузили. Ладно, что-нибудь придумаем, – решил директор гиревого холдинга и купил у бабки всю партию гирь по цене в два раза превышающей ту, по которой пять минут назад ей же и впарил.

Для того, чтобы загрузить гири, директор холдинга обратился за помощью к своему старому товарищу – директору завода шестеренок и четверенек, который очень гордился названием своего завода, ибо название отражало саму суть предприятия: завод производил шестеренки, а выползали рабочие после смены на четвереньках. А часто и вползали на завод на тех же четвереньках, особенно после праздников и выходных. По старой дружбе директору крупного гиревого холдинга любезно выделили бригаду грузчиков: Санька, Егора, Печёнкина, Марата и Степаныча. Последнего откомандировал, чтобы тот просто под ногами не валялся.

– Как это я, человек закончивший два курса профессионального технического училища имени Красного знамени на древке, буду гири таскать? – возмутился Печёнкин и поправил съехавшую набок треуголку. Но, манящий запахом тормозной жидкости и растворителя, все-таки залез в автобус.

Не прошло и суток с тех пор, как автобус с бригадой грузчиков отчалил от завода на соседнюю улицу, как на проходной появился водитель автобуса с просьбой дать ему ведро компрессии, а то его автобус, мол, заглох и вообще у него искра в бак ушла.

– Может, слезем? – взмолился Печёнкин и еще раз жалобно посмотрел на сидящих на нем сверху Санька, Егора и муху.

Муха тут же оскалилась, твякнула, перевернулась на спину и продолжила лизать, только что отложенные яйца Степаныча.

– Не время сейчас, – пробормотал присевший по большой нужде в углу Марат, – кто автобус охранять-то будет? Вот сейчас я закончу, тогда и пойдем. Уж поверьте, после этого в него никто не сунется.

После того как Марат закончил свои дела, вся бригада грузчиков резво выскочила из автобуса и присела рядом на травке под деревом, ожидая прихода водителя и работников Госавтоинспекции, которые, по идее, должны были приехать, а по факту никогда не приезжали. За это время пробка на улице, посреди которой стоял их автобус, собралась не хилая, а мускулистая и, кроме синичек, никого к себе не подпускала.

– Как будем пробку выковыривать? – поинтересовался неожиданно подъехавший гаишник у Марата Орасяна, не ко времени засунувшего бутылочную пробку себе в нос.

– Ээээ, не знаю, товарищ младший сержант – произнес Марат и засунул пробку в ухо гаишнику. Ну просто чтобы чувствовать себя наравне с блюстителем порядка. За что сразу же был лишен сознания и последних 15 рублей.

– Вот видите до чего доводит пьянство! – доносился из телевизора слабо узнаваемый сквозь шум стучащих о тумбу туфель голос Никиты Хрущева.

Но голос тут же умолк, ибо Марат пришел в себя. А потом, не разобравшись в ситуации, привнес бодряка стоявшему рядом на карачках Егору. Уже почти разразилась драка, когда наконец-то на горизонте появился водитель с кувалдой. Он подошел к автобусу, громко матом вспомнил чью-то (видимо, автобуса) мать, с которой он почему-то когда-то вступал в половую

связь, пару раз смачно ёбнул по какой-то хрени в двигателе, вытер пот подмышками, сел за руль и уже почти завел автобус, как вдруг неожиданно выпрыгнул из кабины и с бешеными глазами и криком: "Ах ты говносрань эпическая!", кинулся на Марата. Марат не растерялся, он уже знал, что делать в таких ситуациях и снова потерял сознание. Санёк повернулся на шум падающего тела и наткнулся на противопехотную мину, запрятанную под стельку лаковых туфель еще лет 20 назад. Раздался дикий треск, черви с радостным криком выползли из мины, всем своим видом показывая, как они благодарны сложившейся ситуации, а также куче навоза, лежащей в шаге от Егора, прямо под потерявшим сознание Маратом.

Но это было ничто по сравнению с мыслью, которая осенила Санька.

"Степаныч", – громким эхом пронеслось у него в голове, и он с ужасом посмотрел на автобус, в котором где-то под сиденьем валялся Степаныч.

На самом деле Степаныч валялся не так просто, он валялся сложно. Сложность состояла в том, что, держась в позе "пистолетик", он умудрялся спать и ремонтировать сиденье одновременно.

– Шухер, гиря! – раздалось в автобусе.

– Ну на хрен! – повторило эхо. Все встали, зачем-то поклонились и пошли обратно на завод. Идти было всего ничего – 27 шагов или 32 перекачивания Степаныча.

Совершив эти самые 27 шагов и 32 перекачивания, группа усталых грузчиков в химзащите, приобретенной под честное слово в армянском магазине "Подарки работникам химических предприятий на 8 марта будут, мамой клянусь!", ввалилась на проходную завода, где так знакомо пахло разрухой и хлоркой. Ребята уже было обрадовались тому факту, что они целые и невредимые вернулись из недельной командировки на заводской газон на автобусе, но бросили взгляд на бочку с горючим, которую Печёнкин, идя до проходной, 32 раза перемахнул через себя. Нет, внешне она, конечно, чем-то напоминала Степаныча, даже запах бензина не навел на сомнительные мысли, но при ближайшем рассмотрении все-таки как-то не очень была на него похожа. "Степаныч!!!!" – опять пронзило голову Санька. Но это была уже не мысль, а громкий крик Егора. Он был таким громким, что проснулась даже вахтерша КПП Галина Прокофьевна, мирно спящая дома, после вчерашнего просмотра по телевизору 4-й симфонии Баха.

– Вот и самовар вскипел! – сказал Митрий Алексеевич, глядя на бурлящую в котле самоварную медь. Митрий Алексеевич был абсолютно неизвестным плавильщиком, но славился тем, что мог одним махом собрать доминошную "рыбу" из колоды карт.

Все тут же подошли к котлу, поглядели на то, что несколько сотен градусов назад было самоваром и с укором посмотрели на угрюмо-прыщавое лицо Митрия.

Заводской рупор прогремел мелодию "Подъем", а это означало, что уже четыре часа и пора собираться домой.

Приподняв одеяло и осмотревшись, Марат сначала ничего не понял вообще и решил повторить попытку. Со второй попытки немного прояснилось в глазах, но мозг категорически не мог сопоставить координаты его месторасположения. Смуту навели очистки от сосисок, аккуратно прибитые к стене.

– Ну что? Получается, что зря брезговал апельсиновой кожурой! А еще кричал: мы, мол, евреи, всеядные! – Семен Николаевич, довольный своей шуткой, еще раз окунул голову в солидол.

Что-то пробурлив в бочку, он вытащил голову из солидола и задумался.

– Что с тобой? – спросил Марат, еще не до конца понимающий, кто это и что он тут делает.

– Странно все это... Я ему кричу в бочку, а он не отвечает, – задумчиво ответил Семен Николаевич.

– Кто это? – Марат ткнул пальцем в измазанную физиономию Печёнкина.

– Солидол, от латинского solidus – плотный и oleum – масло – антифрикционная пластичная смазка, используемая для уменьшения и предотвращения износа трущихся деталей, снижения трения скольжения. Солидол – нетекучая масса темно-коричневого (почти черного) цвета, температура плавления 75-90 °С; вязкость при 0°С и скорости деформации 10 с⁻¹ достигает 50–200 Па/с, предел прочности на сдвиг 1-4 г/см³ (при 50 °С), не растворяется в воде, – мгновенно нашелся Семен Николаевич и еще раз дал Орасяну пощечину за незнание предмета и избыточную любопытность одновременно.

После акта вандализма со стороны Печёнкина, явно направленного прямиком на собственную его, Маратову, щетину, Орасян пришел в себя. И тут же понял: то, что он принял за бочку, было миской с кошачьей едой, а тот, кого он принял за Печёнкина, действительно оказался Печёнкиным, что удивило Марата еще больше. Но самое странное было то, что он был у себя дома. Он сел на край собственной кровати, почесывая левую щеку и на всякий случай спину. Почесывание спины доставляло Марату огромное удовольствие только в тех случаях, когда волосы не застревали под ногтями, или когда этого никто не видел. Марат встал и пошел на кухню. Открыл холодильник и увидел там болтающуюся на веревочке мышь. Подвинув мышь в сторону, он поймал на себе четкий зеленовато-черный взгляд. Яичница-глазунья всегда так встречала Марата, когда он приходил домой и заглядывал в холодильник. Они могли переглядываться с ней часами, но, к сожалению, сейчас при себе у Марата часов не было, чтоб ими переглядываться, и он полез вглубь холодильника. Висящая мышь не выдержала такого напора и упала. Яичница подмигнула Марату еще раз и ласково погладила сырок "Волна" по плесени. Это было очень странно, так как и кефир, и пролитый рассол прекрасно знали, что яичница не дружила с сырком, хотя и жила вместе с ним уже четырнадцать с половиной лет. Пробираясь вглубь холодильника, Марат неловко ткнул яичницу локтем в левый глаз, чем вызвал бурное растекание по стенкам холодильника никем не замеченных помидоров. Сообразив, что съедобного ничего нет, Марат вылез из холодильника, повесил мышь обратно, повернулся и сразу столкнулся с Печёнкиным, что вызвало у Марата очередной приступ удивления. Изучая содержимое холодильника, он совсем упустил из виду тот факт, что уже его видел.

Семен Николаевич насупился, потер только что укушенный тараканом нос и продолжил разговор:

– Вот что будет, если в песочные часы налить свежего расплавленного рубероида?

Его голос эхом раздался в голове Марата. Марат, подумав, что это похмелье, направился в ванную. Он попытался умыться. Постоял в ванной и понаблюдал, как из нее всплывает подводная лодка. После этого желание умыться и что-то делать вообще у Марата пропало окончательно. В это время из-за двери, ведущей в другую комнату, раздался звук, который издает чайная ложка, когда ею размешивают песок в стакане. Заинтригованный Марат открыл дверь и увидел то, чего увидеть ну никак не ожидал.

За дверью была комната, посередине которой, удобно расположившись в кресле, причмокивая и глядя себя по пузу, сидел и пил чай Троцкий

– Зачем ты наложил в чай песка, он же из-под хомяка только что? – спросил Марат у Троцкого, тщетно пытавшегося размешать в чае песок.

На лице Троцкого не пошевелилась ни одна морщинка. Привычка, описавшись, не подать виду была единственным наследством, доставшимся ему от деда.

Окончательно потеряв хронологию происходящего, Марат проснулся, не открывая глаз. Напротив него лежал прислоненный к входной двери Степаныч, а рядом записка: "Спасибо за чай. Троцкий".

– Какой Троцкий? Какой чай? – пробубнил Марат.

– С малиной! – отозвалось тело Степаныча и испустило длительный свист.

Голуби встрепенулись. Они знали, что если Степаныч начинает свистеть, то жди беды в лице Санька и его рогатки. Так вышло и на этот раз. Санёк опять на спор засовывал рогатку в рот Егору и наконец-то поперхнулся несвежей костью алычи.

Из столовой раздались ласковые женские крики: "АААААА!!! Мальчики, обед убежал!!!". Санёк бросил свое занимательное занятие и что есть мочи побежал в столовую. Именно в это время навстречу ему с бешеными глазами и кастрюлей борща выбежал такелажник Серафим Набоков, неприметный мальчишка лет сорока, с ярко выраженным отпечатком сапога на левой щеке. Нет, его не били, просто он был действительно странным: каждое утро зачем-то прикладывал часа на два сапог к левой щеке и так ходил. Санёк не обратил на него никакого внимания. Он знал, что Серафим Набоков всегда бежит с борщом. В прошлом году он даже принимал участие в районных соревнованиях по бегу с борщом на длинную дистанцию, и занял там призовое третье место, хотя прибежал тридцать вторым. Зайдя в столовую и устроившись по традиции под пятым столом от окна, Санёк, Егор, Печёнкин и Орасян стали с аппетитом жевать воздух, запивая эту пересоленную гадость кем-то оставленным вчера огуречным рассолом. Все, присутствующие под столом, включая официальных лиц, были в хорошем настроении, ведь сегодня было 25 октября, а в этот день на заводе забирали зарплату.

– А ну подайте-ка мне еще вон тех чебуреков с творогом в слойке! – командным голосом прошептал Егор. В этот момент ножка стола не выдержала и описалась. На столе уже четвертый час танцевал Элеонор Графович, сотрясая помещение вибрациями своего 150-килограммового туловища.

Как-то тихо и незаметно наступил вечер. Столовая, как обычно по вечерам, закрылась на капитальный ремонт медным тазом. Компания наевшихся обещаниями работяг вышла из столовой и вынесла с собой стол, на котором до сих пор лежал, неугомонно танцуя, Элеонор Графович. Замыкал процессию Марат. Он весело размахивал сломанной ножкой стола и чебуреком, недоеденным Егором, щедро орошая впереди идущих товарищей творогом. Если бы не Серафим Набоков, который с усталым видом плелся с остывшим борщом к себе домой, то ничто бы не отвлекло Марата от сломанной ножки и чебурека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.